продолжить изучение того, как воспринимается сама постановка вопроса о политических компетенциях государственными служащими Российской Федерации, какова степень готовности высших и средних административных кадров к осуществлению лидерства в сфере формирования государственной политики, выполнению роли координатора взаимодействия государственных и негосударственных структур, каков уровень осознания служащими российского государства своей ответственности перед лицом реалий и вызовов нового столетия.

Литература

1. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.
2. *Hutmacher Walo.* Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzezland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strsburg, 1997. [*Рыжаков М.В.* Ключевые компетенции в стандарте: возможности реализации // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 4].
3. Российская газета. 2008. 23 июля.
4. *Lodge Guy and Kalitowski Susanna.* Innovations in Government. Institute for Public Policy. L., 2007. http://www.ippr.org
5. http:// www.elysee.fr/ documents/index.php?mode= cview&press_id=419&cat_id= 7&lang=fr
6. *Путин В.В.* О стратегии развития России до 2020 года // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М., 2008. С.22.

Коммуникативные риски в сфере муниципального управления

Наталья БАЛЫНСКАЯ – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, теории государства и права и социологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова

Известно, что политика имеет информационную сущность. Информация, циркулирующая в сфере политических отношений, в научной литературе именуется политической. Исследователи отмечают, что политической информацией признаются только те сообщения, которые выбираются людьми из потока разнообразных сведений, нужных им для подготовки и принятия решений в сфере государственной власти для исполнения своих функций или совершения сопутствующих действий. В этом смысле «информация выступает и как предпосылка действий любого политического субъекта, и как их важнейшее условие, позволяющее людям эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей» [1, с.8]. Понятно, что в таком широком теоретическом фарватере интерпретация специфики политической информации грозит коммуникативными и, как

следствие, – политическими рисками, в том числе и в сфере муниципального управления.

О последнем сложилось представление как о совокупности действий, совершаемых генерализованным субъектом муниципальной политики – органом управления. Однако такая точка зрения во многом искажает существо вопроса. Например, правовой нигилизм населения проистекают совсем не от бездействия властных структур. Наоборот, депутаты, входящие в состав органа муниципальной власти как субъекта политических отношений, оценивают ситуацию, строят определенные модели возможного будущего и производят систему информационных действий (в том числе в виде выражения определенных законодательных инициатив). Однако необходимого субъект-субъектного взаимодействия не происходит, что снижает статус субъектности населения муниципального образования, а чаще всего свидетельствует о ее отсутствии. Информационные политические отношения носят субъект-объектный характер. Как следствие – непонимание политического курса и его тихое игнорирование на всех уровнях: от муниципального до федерального. Одна из причин может быть скрыта как раз в неверном понимании генерализованным субъектом специфики политической информации.

Цель такой информации не в том, чтобы помочь сориентироваться властвующему субъекту в существующей палитре мнений (каждый самостоятельный политический субъект является самостоятельным потому, что он уже имеет свое, оригинальное ви́дение будущего), а в том, чтобы найти точки соприкосновения с объектами воздействия и обрести реальную **способность** воплотить свою модель будущего в действительность. Екатеринбургский профессор А. Перцев так описал этот процесс: «Народ книг не пишет. А между тем историю делает именно он, а не отдельные великие вожди или иные сверхчеловеки. Все великие деятели становились великими только тогда, когда выражали волю больших социальных групп, становились их символом и знаменем... Не столько идеи овладевают “массами”, сколько “массы” овладевают идеями. “Массы” активно ищут те слова, в которых они могут выразить свои собственные “управленческие решения”» [2].

Проблема в том, что информация, инициируемая властными структурами по субъект-объектной схеме, может быть отнесена к разряду инфопотоков [3]. Но для принятия грамотных управленческих решений, рассчитанных на поддержку масс, необходим другой тип обмена информацией – *политический дискурс*, который в общем виде определяется как целенаправленный обмен сообщениями по поводу тех или иных целей [1, с.32]. Неразличение инфопотока, инициированного властными структурами самостоятельно, информационно-коммуникативного поля, дающего основу для полноценного процесса коммуникации, ведет власть в рисковую зону, характеризующуюся отторжением. В политической коммуникации главная цель не управление, а создание «информационной (символической, духовной) общности коммуникатора и реципиента, обеспечение идейного

единства сторон» [2, с.20]. Если же единого информационного поля не создано, в структуре политического управления на муниципальном уровне складывается рисковая ситуация: действия власти как субъекта политики могут войти в противоречие с настроениями объекта воздействия – массами.

Второй риск является продолжением первого, он заключен в инициировании политического конфликта, к которому может привести неверно оцененная информация. Он обладает определенной спецификой, принципиально отличающей его от других видов конфликта,– необратимостью, если перешел в активную стадию. Конфликт в сфере политических отношений можно подавить, но вернуть его в предконфликтное состояние нельзя [4].

В области политического управления множество источников конфликта условно разделены на внутренние и внешние. Внутренние связаны с информацией, циркулирующей внутри муниципальной структуры. Ее называют по-разному – «закрытая», «для внутреннего пользования», «ограниченного доступа», «корпоративная». Во всех определениях присутствует скрытая роль внутренней информации, но есть и некая специфика, весьма важная при осуществлении муниципального управления.

Муниципальные структуры принципиально отличаются от какой-либо корпорации тем, что внутренняя информация так или иначе «работает» на внешнюю сферу, в той или иной степени образуя обратные связи (хотя, зачастую, весьма слабые). Она обеспечивает выработку решений, направление политического курса муниципалитета в целом. От ее качества зависит в конечном итоге специфика реагирования муниципальной системы на требования окружающей среды. Внутренняя информация способна в определенной мере застраховать муниципальную систему от риска разрушения, нестабильности. Поэтому риск получить неполную информацию об объекте управления (а в идеале – о субъекте политического взаимодействия) имеет такие же разрушительные последствия, как и риск неверно интерпретировать полученную информацию.

Для предотвращения подобных рисков муниципальные структуры прибегают к услугам различных социологических служб, предоставляющих результаты соцопросов и проводящих мониторинги, организуют «горячие линии» с населением; участвуют в аудиовизуальных передачах; анализируют публикации печатных СМИ. Однако, как показывает практика, это не страхует от ошибок и просчетов, выраженных в отчуждении населения от власти.

С одной стороны, объяснение можно найти в ментальности российского человека. Исследователи отмечают, что в политической культуре россиян присутствует «византийско-православный элемент, сказывающийся в вере во всемогущество государства, в убежденность, что оно способно и обязано решать все вопросы общественной жизни» [5]. Когда этого не происходит, «автоматически» теряется вера во власть. Но, на наш взгляд, проблема именно в качестве внутренней, если хотите, корпоративной информации. Чиновник, от ко-

торого непосредственно зависит принятие какого-либо управленческого решения, в своих действиях, как правило, опирается не на личные впечатления, а на отчеты нижестоящих служащих. (Бюрократизм современной муниципальной власти – данность, о которой необходимо говорить открыто!) Истинная картина действительности бывает сильно искажена, и информационный риск, рождающийся от циркуляции внутренней информации, воплощается в реальность уже на стадии сбора информации. Стоит ли говорить о том, что на стадии «выхода» из муниципальной системы в виде принятого решения информация не будет соответствовать ожиданиям окружающей среды.

Здесь о себе заявляют риски внешние. Они вызваны несовпадением информационных действий муниципальной власти с потребностями местного населения. Следствием могут быть как открытые политические конфликты, так и скрытое недовольство, которое постоянно выявляют социологические опросы. Однако для муниципальных структур опасным является как первый, так второй вариант. В одном случае вся система муниципального управления может войти в стадию нарушения динамического равновесия, в другом – властные структуры растрачивают «кредит доверия», муниципальная власть теряет свой положительный имидж.

Потеря имиджа муниципальными структурами – один из самых весомых реализованных рисков, поскольку грозит не просто потерей доверия со стороны общества, но и сопротивлением проводимой политике. Примером могут служить события в Магнитогорске, когда в сравнительно небольшом городе с градообразующим предприятием оппозиция, много лет молчащая, не просто начала организовывать митинги, демонстрации, открытые письма к властным структурам и руководству ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», но и вышла на областной уровень, напрямую озвучив свое недовольство муниципальной властью перед губернатором Челябинской области.

Этот факт – свидетельство неадекватных действий муниципальной власти, потери ее имиджевых позиций. Следует учитывать, что имидж – это информационный продукт в чистом виде. Существуют

методики по страхованию имиджа, освоение которых властные структуры в Магнитогорске проигнорировали.

Да, от информационных рисков, как и от любых других, возможна страховка. Как уже отмечалось, самое главное — точное понимание того, что собой представляет политическая информация. Только в случае полноценного диалога с обществом можно рассчитывать на поддержку проводимых реформ. Существуют методики и по снижению внутренних информационных рисков. Рецепт прост — частый «выход в народ». Это может показаться странным, но далеко не все чиновники отдают себе отчет в том, что после распада СССР большая часть городов России приобрела статус моноспециализированных. Вместе с этим таковыми же являются и СМИ, предоставляющие информацию властным стр